

Е.Ю. ЦУМАРОВА*

**МЕЖДУ ГОРДОСТЬЮ И БЕЗРАЗЛИЧИЕМ:
ЭМОЦИИ В ОТНОШЕНИИ РОССИЙСКОЙ НАЦИИ
В ПЕРИОД ПЕРЕМЕН**

Аннотация. Статья посвящена анализу эмоционального компонента национальной идентичности в России. Автор задается вопросом о том, как российские граждане эмоционально проживают свою принадлежность к российской нации в условиях политических трансформаций, и как эти эмоции конвертируются в поведенческие практики. Теоретическая основа статьи состоит из нескольких исследовательских направлений: повседневного национализма, политики идентичности и аффективного гражданства, а также роли эмоций в коллективных действиях. Эмоции в отношении нации рассматриваются как сложный феномен, формируемый под воздействием деятельности политических акторов и повседневных практик обычных людей. Эмпирическую базу исследования составили 32 полуструктурированных интервью с российскими гражданами, которые были проведены зимой – весной 2024 г., что позволило выявить как краткосрочные эмоциональные реакции на политические события, так и более устойчивые чувства к национальному сообществу. Результаты продемонстрировали комплексность, многозначность и вариативность эмоций в отношении нации. Люди одновременно испытывают множество чувств, некоторые из которых могут противоречить друг другу. В то же время одни и те же эмоции (например, гордость или страх) могут быть связаны с разными феноменами и иметь позитивный или негативный оттенок. Кроме того, эмоции рассматривались в связи с поведенческими практиками российских граждан. Исследование продемонстрировало нелинейный характер этой взаимосвязи, так как одни и те же эмоции в различных сочетаниях проявляются в противоположных практиках. Предлагаемое автором объяснение связывает вариативность конвертации эмоций в повседневные прак-

* Цумарова Елена Юрьевна, кандидат политических наук, доцент кафедры сравнительных политических исследований ФМОПИ СЗИУ, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Санкт-Петербург, Россия), e-mail: tsumarova@gmail.com

тики с опытом политической социализации и политической активности граждан, а также с проводимой политикой идентичности.

Ключевые слова: нация; повседневный национализм; идентичность; эмоции; гордость; национальное безразличие; Россия.

Для цитирования: Цумарова Е.Ю. Между гордостью и безразличием: эмоции в отношении российской нации в период перемен // Политическая наука. – 2025. – № 4. – С. 140–160. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2025.04.06>

Введение

Политические события актуализируют существующие идентичности. Особенно ярко это проявляется тогда, когда события прямо или косвенно затрагивают всех членов общества и глубинные основания представлений о себе и своей родине. За последние три года российское общество столкнулось с целым рядом внутренних и внешних вызовов, которые заставили задуматься о том, что значит быть гражданином России. Как отмечают Е. Шестопал и Н. Рогач, «в сознании общества происходят... фундаментальные сдвиги», которые «приводят к переоценке многих представлений и ценностей... и к формированию нового взгляда на Россию» [Шестопал, Рогач, 2022, с. 46].

При этом в литературе отсутствует консенсус относительно масштабов и направления трансформации чувства принадлежности. Ряд исследователей отмечают тенденцию к усилению чувства гордости¹ [Пушкирева, 2023], другие – скорее говорят о тревоге или апатии как реакции на быстро меняющийся контекст [Звоновский, Ходыкин, 2023]. Вместе с тем эмоциональные реакции на значимые политические события оказывают влияние и на повседневные практики россиян, включая их взаимодействие с государством и согражданами. Как подчеркивает Марта Нуссбаум, нация представляет собой один из важнейших объектов политических эмоций, поскольку «является самым большим элементом, который достаточно подчиняется голосам людей и способен выражать их желание устанавливать выбранные ими законы», а патриотические эмоции выступают «необходимой опорой для ценных проектов, предполагающих жертвенность ради других» [Нуссбаум, 2023, с. 38, 311].

¹ Гордость и спокойная уверенность: какие эмоции у россиян вызывает их гражданство // Высшая школа экономики. – 2023. – Декабрь. – Режим доступа: <https://cs.hse.ru/news/community/881176114.html> (дата посещения: 20.06.2025).

В статье я фокусируюсь на эмоциональном аспекте национальной идентичности, проявляемой на повседневном уровне. Я задаюсь вопросами о том, как российские граждане интерпретируют и эмоционально проживают свою принадлежность к российской нации в условиях политических трансформаций, и как эти эмоции конвертируются в поведенческие практики. Основываясь на тезисе о конструируемой природе нации и национальной идентичности, я обращаюсь к политико-психологическому подходу в изучении образа государства и гражданственности [Селезнева, Азарнова, 2020; Шестопал, Смулькина, Морозикова, 2019], а также к исследованиям повседневного национализма [Fox, Miller-Idriss, 2008; Биллиг, 2007], чтобы оценить преломление политических событий и публичных нарративов на уровне эмоций и практик отдельных индивидов. Кроме того, я использую концепции аффективных сообществ для выявления роли эмоций в формировании национальной идентичности и коллективных действий [Hutchison, 2016; Hoggett, Thompson, 2012; Zhelnina, 2020; Jasper, 2011].

Эмоциональная жизнь нации: теоретические основания исследования

Отправной точкой исследования является рассмотрение нации как политического сообщества, связывающего органы управления и население посредством института гражданства [Tilly, 1994]. Как отмечает Дж. Бройи, гражданство позволило политическим элитам выделить коллективную сущность общества и сформировать эмоциональную привязанность к нации для консолидации и мобилизации граждан и легитимации собственной власти [Brewilly, 1993]. Кроме того, нация рассматривается как результат политики идентичности, то есть целенаправленной деятельности политических акторов по формированию сообщества и чувства принадлежности к нему. Политика идентичности включает в себя формирование образа мы – сообщества и конструирование границ «свой» – «чужой» посредством символизации и ритуализации принадлежности к сообществу. В то же время политические акторы зачастую обращаются и к эмоциям как важному ресурсу легитимации политических решений и / или мобилизации населения [Illouz, 2023]. Управление посредством эмоций (*govern through affect*) таким образом можно рассматривать как еще один инструмент конструирования национальной идентичности.

Политика аффекта фокусируется на эмоциональной стороне гражданства и идентичности. Как подчеркивает Б. Аята, политика аффективного гражданства направлена на формирование своеобразного контракта между государственными институтами и гражданами, который содержит набор разделяемых ценностей и эмоций в отношении государства, делающих людей «правильными гражданами» [Ayata, 2019]. Политические акторы уделяют особое внимание патриотическому воспитанию, направленному на формирование «настоящего патриота», соответствующего интересам и ценностям государства [Stewart, 2024; Селезнева, 2017; Нуссбаум, 2023]. Кроме того, эта политика опирается на эмоциональное проживание сопричастности не только к органам управления, но и другим членам нации, а также позволяет формировать образ так называемых внутренних других.

В то же время исследования повседневного национализма показывают, что члены нации не являются простыми потребителями транслируемого политическими элитами нарратива, включая практики аффективного гражданства. Напротив, они рассматривают комплексную природу национального сообщества [Kaufmann, 2017], которое создается в том числе «обычными» гражданами посредством повседневных практик и эмоциональных инвестиций. Члены национального сообщества могут адаптировать, оспаривать, разделять или отрицать доминирующую интерпретацию идентичности как на когнитивном, так и на эмоциональном и поведенческом уровне. При этом чувства людей в отношении нации зачастую амбивалентны, сложны и противоречивы [Miller-Idriss, Rothenberg, 2012; Heinrich, 2012]. Люди одновременно могут испытывать гордость и стыд, воодушевление и негодование, радость и грусть, что будет проявляться, в том числе, в их поведенческих практиках. Как показывает Дж. Джаспер, эмоции определяют наши цели, поведение, вовлеченность или отстраненность от политики [Jasper, 2011], и, соответственно, и наше восприятие национального сообщества.

Эмоции в отношении нации можно вслед за Джаспером разделить на краткосрочные эмоциональные реакции и устойчивые чувства [Jasper, 2019]. Краткосрочные эмоциональные реакции, такие как страх, злость, отвращение, удивление, шок, радость и др., являются во многом автоматическими, неосознаваемыми ответами индивида на какие-то значимые события или информацию. Они могут проявляться в разных формах поведения: от активных действий до, напротив, замирания и отказа от любых вариантов активности. Устойчивые чувства, к которым Джаспер относит

эмоциональные обязательства (*emotional commitment*) и моральные эмоции (*moral emotions*), напрямую связаны с конкретными объектами, в том числе снацией, и служат основанием выбора поведенческих стратегий. К эмоциональным обязательствам Джаспер относит любовь, причастность, солидарность, ненависть, симпатию / антипатию, доверие / недоверие, тревогу, уважение или презрение (неуважение). В свою очередь моральные эмоции рассматриваются им как чувство принятия / неприятия событий или институтов, основанное на моральных принципах. В этом смысле Джаспер разделяет эмоции в отношении себя (стыд, вина, гордость) и других (ярость, возмущение, сострадание, восхищение).

Кризисные ситуации обостряют эмоциональную связь снацией. При этом направление данной трансформации может быть разным. Так, некоторые исследования показывают, что успешное преодоление кризиса, достижения государства или его представителей в какой-то сфере часто сопровождаются эффектом сплочения вокруг флага (*rally around the flag*) и резким всплеском чувства гордости за нацию [Казун, 2017; Obradović, Howarth, 2018; Greene, Robertson, 2022]. При этом другие авторы описывают феномен национального безразличия как реакцию граждан на активную деятельность государства по поддержанию патриотизма и эмоциональной мобилизации [Zahra, 2010; Kivimäki, Suodenjoki, Vahtikari, 2023].

Таким образом, эмоциональный компонент национальной идентичности представляет собой комплексный феномен, находящийся под воздействием как проводимой политическими акторами политики идентичности, так и краткосрочных реакций, и устойчивых чувств по поводу нации обычных людей. В то же время эмоции неотделимы от поведенческих практик, что особенно ярко проявляется во время политических трансформаций, актуализирующих принадлежность к национальному сообществу.

Методология эмпирического исследования

Исследование основывается на качественной методологии, в основу которого легли 32 полуструктурированных интервью с «обычными» гражданами России¹. Интервью проводились зимой – весной 2024 г., что позволило выявить более устойчивые эмоции в

¹ Я благодарю Антона П. и Элину К. за помощь в поиске информантов и проведении интервью.

отношении национального сообщества на фоне длящегося периода трансформаций. Отбор информантов осуществлялся по методу снежного кома [Cohen, Arieli, 2011] с использованием нескольких точек входа для обеспечения относительно равномерной представленности различных социальных групп [Жидкевич, 2016]. Итоговая выборка включает в себя 15 мужчин и 17 женщин разных возрастных групп (от 18 до 72 лет) и социальных статусов (безработные, руководители крупных компаний, общественники, работники сферы услуг и пр.). Кроме того, информанты представляют разные регионы страны (от Республики Карелия и Архангельской области до Ростовской области и Республики Бурятия), что также позволило получить более сбалансированные результаты.

Гайд интервью включал в себя несколько блоков, связанных как с биографией информанта и опытом его политической активности до 2022 г., так и с оценкой респондентами своей эмоциональной связи с Россией и согражданами, трансформации этой связи в последние два года, а также восприятия будущего своего и страны в целом. Продолжительность интервью варьировалась от 30 минут до 2,5 часа, в среднем одно интервью длилось около часа. Транскрипты интервью анонимизировались и анализировались методом открытого кодирования в программе Taquette.

Кодирование осуществлялось на основе методологии анализа эмоций в политических протестах, разработанной Дж. Джаспером и адаптированной А. Желниной [Jasper, 2019; Zhelnina, 2020]. При этом в процессе кодирования внимание уделялось как краткосрочным эмоциональным реакциям, связанными с конкретными политическими событиями, так и более устойчивым эмоциям. Такой подход позволил оценить относительно стабильные чувства информантов по отношению к нации как к политическому сообществу и проследить взаимосвязь эмоций и поведенческих практик.

Вслед за А. Желниной я обращала внимание как на прямое выражение эмоций, так и на более широкий контекст высказывания. Зачастую информанты не называли свои эмоции или чувства, в таком случае кодирование осуществлялось на основе анализа используемых экспрессивных слов и выражений и общего контекста¹. Кроме того, некоторые фрагменты были маркированы как содержащие эмоции, хотя они и не выражены информантами явным образом. Например, приведенная ниже цитата была закодирована как «тревога», поскольку респондент использует эмоционально

¹ Фрагмент кодировочной книги представлен в приложении 1.

окрашенные фразы, такие как «перестал понимать», «нельзя ничего запланировать», что в общем контексте интервью преподносилось как тревога за будущее и страх неопределенности:

«Я перестал просто понимать именно, кто я сам такой, чего хочу, потому что обрубилось резко... Горизонт планирования стал в районе пары недель. Нельзя ничего запланировать из-за этого, ты просто не понимаешь: как можешь выстроить свое будущее, где ты хочешь находиться, как?» (м., 25 лет, Самара).

Безусловно, такой подход имеет ряд ограничений. Во-первых, людям, как правило, сложно вербализовать свое отношение к нации как к довольно абстрактной сущности [Miller-Idriss, Rothenberg, 2012]. В интервью довольно часто проводилось разграничение между государством и страной, к которым респонденты испытывают разные эмоции (см. также: [Селезнева, Азарнова, 2020]). Во-вторых, при кодировании мы можем переоценивать или недооценивать эмоциональную сторону принадлежности. Несколько снизить это ограничение позволяет более широкий взгляд на интервью в целом, контекст его проведения и используемую респондентами лексику. Как правило, сильная эмоциональная связь с нацией (вне зависимости от характера этой связи) ярко проявляется на протяжении всего интервью, в том числе в темпе речи, эмоциональных реакциях (смех, слезы и др.). Наконец, еще одним ограничением является многозначность эмоций: как будет показано дальше, одна и та же эмоция (например, страх или гордость) может быть связана с разными объектами и обозначать разный тип связи с нацией. Преодолеть эту многозначность позволяет выделение субкатегорий анализа для более точного кодирования эмоций.

Репертуар эмоций по поводу нации

События 2022 г. актуализировали разговор о национальной идентичности. Несмотря на то что политика идентичности в России активизировалась значительно раньше [Sharafutdinova, 2022], именно объявление В. Путиным начала специальной военной операции стало отправной точкой больших дискуссий о патриотизме и о принадлежности к национальному сообществу. Недавние исследования показывают, что процесс переосмыслиния национальной идентичности происходит как на уровне политических акторов [Малинова, 2023], так и обычных граждан [Звоновский, Ходыкин, 2023].

Анализ эмоциональной стороны проживания принадлежности к российской нации на индивидуальном уровне показал большую палитру чувств и эмоций. При этом эмоциональные реакции непосредственно на события перемежаются с более устойчивыми чувствами, связанными, в том числе, с оценкой принимаемых органами управления решений. В момент событий (начало СВО и частичной мобилизации) подавляющее большинство информантов испытывало тревогу, страх, шок или апатию, что объясняется неординарностью и значительностью происходящих изменений. При этом эти эмоции не всегда объяснялись через призму принадлежности к российской нации. Лишь в нескольких случаях информанты напрямую связывали эмоциональные реакции с гражданством и чувством причастности к политическому сообществу: «...для меня было это неожиданно в той степени, что я уже думал, этого не произойдет. И мы (российское государство. – Прим. мое – Е.Ц.) пойдем по стороне переговоров. И, скорее, удивление от того, что ну на такой шаг решились, оно вот имело место быть» (м., 35 лет, Москва); «Я не могу сказать, что у меня пропала любовь к своей родине или к людям, которые меня окружают. Это просто совместилось с чувством ужаса, вот всеобъемлющего, несправедливости, боли какой-то, горя» (ж., 24 года, Оренбург). В то же время присоединение к России четырех новых регионов преимущественно не вызвало значимых эмоциональных реакций, в отличие от присоединения Крыма в 2014 г.: «...не знаю, спокойно как-то. Как будто его (присоединения. – Прим. мое – Е.Ц.) и не было» (ж., 27 лет, Тюмень).

Более устойчивые эмоции в отношении нации варьируются от гордости, любви и ответственности до стыда, страха и безразличия (рис. 1). При этом каждая из этих эмоций проявляется в разных контекстах и комбинациях, что не позволяет однозначно рассматривать их как позитивные или негативные.

Результаты анализа демонстрируют, что одной из наиболее часто встречающихся эмоций является страх. При этом страх в интервью представлен в нескольких вариантах: страх из-за ужесточения политического режима, страх неопределенности и страх за судьбу государства. Так, часть информантов проживают свою принадлежность к нации как небезопасную, государство воспринимается ими как потенциальный источник угроз: «...я чувствую себя в своём государстве небезопасно, скажем так. И с каждым годом это чувство ещё больше усиливается, о том, что оно есть, такое перманентное чувство» (ж., 36 лет, Улан-Удэ). Кроме того, чувство

неопределенности наряду с ощущением невозможности оказывать влияние на принимаемые решения также описывается в терминах страха / тревоги: «...никакого планирования будущего вообще нету, то есть пытаюсь какие-то планы составлять для себя, там, типа на месяц вперед или еще что-то, но это все так туманно» (м., 26 лет, Архангельск).

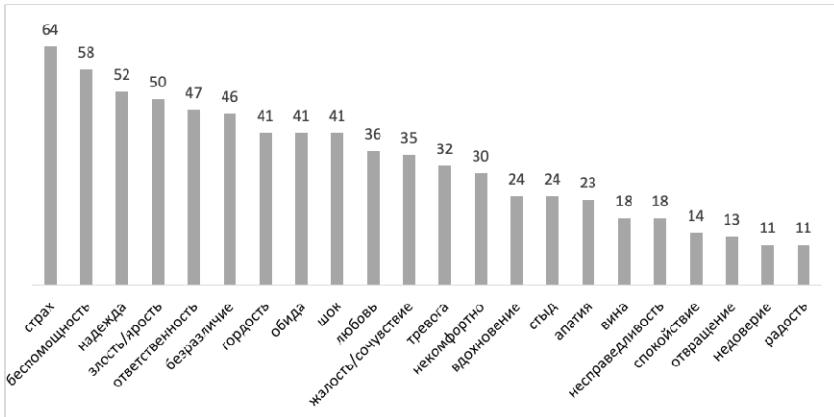

Рис. 1.
Наиболее часто встречающиеся в интервью эмоции

В то же время для другой части респондентов страх во многом связан с воспринимаемой угрозой утраты национальной идентичности и государственного суверенитета: «...был страх от того, что было сообщено о том, что первое, что собирались они делать и наши президент опередил их ровно на сутки – это напасть на Ростов, на Ростовскую область» (ж., 41 год, Ростов-на-Дону); «...если вот католики, они выбирают все однополые браки у них. Разве могут они быть нашими братьями, собратьями? Понятно, что печально, что у нас идет такая война, брат на брата. Но если они на стороне вот таких вот вещей, мы не можем на это смотреть сложа руки. Мы должны хранить свои традиции прежде всего, чтобы не было вымирания» (ж., 46 лет, Воронеж).

В приведенных выше фрагментах страх может рассматриваться скорее как положительная эмоция в отношении нации, поскольку демонстрирует тесную связь людей с политическим сообществом и свидетельствует о принятии официального нарратива.

Другими словами, по отношению к нации страх имеет как негативную, так и позитивную коннотацию.

Страх и тревога часто соседствуют с ощущением беспомощности, с одной стороны, и надеждой – с другой. В частности, респонденты подчеркивают, что чувство бессилия от невозможности повлиять на принимаемые решения укрепляет страх неопределенности и ощущение небезопасности: «...все это уже дико надоело, дико от этого устал. Хочется стабильности, спокойствия, чтобы можно было планировать просто свою жизнь. А не... не понимать, что ты можешь сделать, а что не можешь» (м., 25 лет, Самара). При этом для других информантов страх за нацию соединяется с надеждой на мудрое руководство и благополучное разрешение кризисной ситуации: «...то, что сейчас происходит, для меня это немножечко, вы знаете, я вам скажу, может быть, покажется странным, как очищение. Вот как шелуха. А чтобы очиститься, надо пройти через боль. Гнойник надо вскрыть. Он за десятилетия нагнил у нас сильно. Если предателей там не будет, то у России – хорошее будущее, я в это верю» (ж., 46 лет, Воронеж).

Такая же сложная картина связана с чувством гордости. Некоторые информанты рассматривают гордость как нечто, связанное только с индивидуальными заслугами, и не связывают его с национальным сообществом: «...вот (люди говорят. – Прим. мое – Е.Ц.) я горжусь, что я родился в России. Да твоё дело маленькое, да? Вот. Ты мог родиться, не знаю, где-нибудь там, в Антарктиде, там, в племени папуасов. От тебя ничего не зависит. Чем ты тут гордишься? Ты это что-то сделал? Вот. Я так понимаю, что, если я там в своем городе, не знаю, лавочку покрасила там, на субботник вышла, было грязно, стало чисто. Или там еще что-нибудь» (ж., 72 года, Новочеркасск). В то же время другие респонденты испытывают гордость за государство, рассматривая текущую ситуацию как преодоление травмы распада СССР и «унижения» 1990-х годов: «Гордость за то, что все-таки, да, Россию снова начали признавать там, в чем-то слушать. И я думаю, начнут еще больше слушать. И не из-за агрессии, а из-за правильности действий» (м., 44 года, Красноярск); «...я так думаю, что Россия набирает какую-то силу, выходит из-под этого колониального гнета, может быть, уже давно и вышла» (ж., 44 года, Ростов-на-Дону). В таком случае гордость является моральной эмоцией, связанной с одобрением действий политического руководства. Кроме того, чувство гордости выражается в описании национального сообщества в целом: «...мы сильнее, мы умнее, у нас генетический

код гораздо выше, у нас нравственность в том состоянии, в котором нужно, то есть у нас “родитель 1, родитель 2”, мы не говорим своим детям о том, что нужно сменить пол, мы за ценность, за семью, за... аж задыхаюсь...» (ж., 41 год, Ростов-на-Дону); «...для меня Россия это, ну, пространство моих возможностей, которое позволило мне реализоваться так, как я хочу, позволило мне заниматься тем, чем я хочу, то есть, и я не чувствую, скажем, вот, каких-то ограничений в этом, то есть, я, чего хотела, я достигла, а чего хочу, я достигаю» (ж., 49 лет, Тюмень).

Наконец, еще один вариант ощущения гордости касается в большей степени сограждан, которые успешно адаптируются к переменам: «...у меня есть огромное чувство гордости и вдохновения. Я не знаю, это эмоция или нет. Но это чувство и чувство поддержки. Потому что я вижу, как... люди держатся» (ж., 46 лет, СПб); «...гордость почему – потому что пусть еле-еле, но народ, мне кажется, начинает просыпаться. Мы наконец-то вспомним, что мы можем сами те же гвозди производить, ту же бумагу там, или еще что-то» (ж., 46 лет, Воронеж).

Чувство гордости ожидаемо сочетается с любовью к национальному сообществу, вдохновением, надеждой на будущее: «...русский человек – он с народом, у него шире как-то кругозор. Он прежде всего, он любит свою Родину» (ж., 40 лет, Воронеж); «...добро всегда побеждает зло, мы победим, у нас нет выбора, мы так же, как в Великую Отечественную войну, наши все девушки, бабушки, прадеды, пррабушки, они с вилами защищали, а у нас оружие есть хоть какое-то. Мы отстоим» (ж., 41 год, Ростов-на-Дону). При этом стоит отметить, что все же, в большинстве случаев, любовь используется для описания чувств к России как культурному сообществу (стране), которое отделяется от сообщества политического. Показательно высказывание респондента из Ростова-на-Дону: «...есть родина да, это вот место, которое мы все любим, и я разделяю “родина” и “государство” и как бы не все, что делает государство мне нравится, не все я разделяю... Но в целом, я свою страну люблю и жить бы в другой стране я бы не смог точно» (м., 24 года, Ростов-на-Дону).

В то же время принадлежность к государству у информантов связывается с понятием ответственности. При этом ответственность также рассматривается сквозь несколько призм, что во многом обусловливается опытом политической социализации [Heinrich, 2012]. В частности, ответственность понимается как обязанность гражданина, патриотизм в смысле поддержки государства здесь и сейчас:

«...любой человек, обладающий гражданством... кроме прав, который он получает в силу наличия такого гражданства, имеет некоторые обязанности. Обязанность защищать государство – это статья Конституции» (м., 35 лет, Москва); «если она Россия сейчас хромая, больная, прежде всего мы должны быть с ней... и выбор в профессии должен быть для того, чтобы быть полезным своей стране, своему отечеству» (ж., 40 лет, Воронеж).

Кроме того, ответственность определяется в терминах сопричастности за принимаемые решения – «я чувствую, что, да, ответственность у меня есть. Как гражданина своей страны, я отвечаю за действия своей страны» (м., 62 года, Петрозаводск). Парадоксальным образом ответственность иногда сочетается с чувствами беспомощности и недоверия политическим институтам. Респонденты отмечают необходимость «отдавать долг» государству за хорошее образование и другие возможности, даже если ты не можешь повлиять на политику: «...принимаешь для себя позицию принятия этой ситуации, что ты же не можешь ее как-то изменить эту ситуацию, да. То есть, ты просто должен проживать эту ситуацию, вот, продолжая, скажем, вести свою работу, то есть, ты здесь вот поставлен в данный момент, и тебе нужно, как бы, достойно выполнять свою работу» (ж., 49 лет, Тюмень). В другом случае отсутствие доверия не мешает информанту оперировать понятием ответственности перед национальным сообществом: «...в принципе доверие, в том числе и к выборам, оно подзакончилось... (но. – Прим. Е.Ц.) я знаю, что я могу повлиять на какие-то вопросы, связанные со многими гражданами, ну, не знаю, по крайней мере, моего окружения» (м., 44 года, Красноярск). Также восприятие ответственности как сопричастности в ряде случаев комбинируется со стыдом: «...мне хотелось бы не чувствовать связь с Россией, это было бы очень удобно, мне кажется, потому что можно было бы не нести какую-то ответственность за то, что делается от моего имени прямо сейчас» (ж., 21 год, Екатеринбург).

Еще одно понимание ответственности направлено в будущее и фреймируется как желание укрепить / сохранить страну для молодого поколения: «...мое чувство ответственности ... открывает мне дверь и показывает мне дорогу к тому, что можно сделать. Ответственность и чувство ответственности дает мне возможность искать ответы на вопрос: а что лично я могу сделать против этой ситуации?» (ж., 46 лет, Санкт-Петербург).

Однако не все респонденты выражали эмоциональную связь с нацией. Для части из них было характерно национальное безразличие – отсутствие позитивных или негативных чувств по поводу национального сообщества. Как правило, такие респонденты говорили об апатии, нейтралитете, спокойствии или отсутствии эмоций в принципе: «...я не помню такого момента, чтобы мне самой прям сильно хотелось так голосовать и так далее. Такого прям желания особо не было. Ну я как-то нейтрально, мне кажется, ко всему этому отношусь» (ж., 27 лет, Тюмень). Безразличие при этом иногда связывалось с беспомощностью и, одновременно, принятием ситуации, то есть являлось своеобразным проявлением лояльности государству: «...какая есть Россия в такой и будем жить, от отдельно взятой личности ничего не зависит, только можем охать, ахать и дальние жить» (ж., 44 года, Ростов-на-Дону).

В других случаях национальное безразличие объяснялось чувством принадлежности к более крупным сообществам, хотя при этом респонденты не отказывались от признания юридической связи с Россией. Например, информантка из Новочеркасска, с одной стороны, говорит об ответственности как гражданки России, но дальше подчеркивает отсутствие связанных с этим гражданством эмоций: «...я, как бы, понимаю, что я тоже ответственна, просто потому что я вот... гражданин этого государства... никаких у меня эмоций нет, у меня паспорт Российской Федерации. Может быть, у меня ощущение, как-то, что я такой безродный космополит» (ж., 72 года, Новочеркасск).

Таким образом, анализ показал вариативность, сложность и комплексность эмоциональной связи российских граждан с нацией. Люди одновременно испытывают противоречивые чувства, что может быть связано как с их опытом социализации и политической активности, так и с моделями информационного потребления, социальным окружением и (не)поддержкой политического режима. В то же время эта амбивалентность показывает эмоциональную работу по адаптации к ситуации постоянных изменений и влияет на поведенческие практики россиян.

От эмоций к (без)действию

Эмоциональный компонент идентичности является своего рода «мостом» между тем, что мы знаем о нации, и как мы действуем в качестве членов национального сообщества. При этом взаимосвязь

эмоций и поведения не является линейной и предопределенной. Исследование показало, что одни и те же эмоции могут сочетаться с принципиально разными повседневными практиками.

Наличие устойчивых эмоций в отношении нации часто, но не всегда, сочетается с эмоциональными обязательствами и способствует коллективным действиям, вне зависимости от оценки конкретных решений российских властей и характера самих эмоций. Ответственность за действия государства и одновременно гордость за принадлежность к нему у ряда респондентов выражается в волонтерской деятельности, связанной с поддержкой решений правительства. Так, информант из Москвы, рассматривающий принадлежность к России через призму гражданства, видит свою ответственность в посильной помощи государству: «...в силу своей деятельности у меня есть возможность оказывать поддержку ВПК, вот, скажем так, на, в общем-то, безвозмездной основе. Я в этом деле. И чем могу помочь ВПК отечественному, тем помогаю» (м., 35 лет, Москва). Для некоторых информантов именно начало СВО стало отправной точкой проявления эмоциональной связи с нацией, как в случае с респонденткой из Воронежа, которая рассматривает текущую ситуацию как момент преодоления кризиса 1990-х годов: «...я занимаюсь, вот, кстати, как раз-таки гуманитарной помощью. Вот езжу на границу туда, в Сватово была, в Лисичанске была. Вот. Туда, бойцов посещаю и детские приюты» (ж., 40 лет, Воронеж). В других случаях информанты говорят о готовности действовать, но на практике чувства гордости и принадлежности не конвертируются в конкретные действия. Например, молодой человек из Ростова-на-Дону в интервью говорит о гордости за Россию и готовности отдавать долг как военнообязанный, но далее в интервью уже озвучивает сомнения: «...я сейчас погорячился, сказав, что пойду, я, знаешь, ответил не подумав сейчас, как-то моментально. А я-то понимаю, что у меня сестра маленькая. Если что случится с папой, с бабушкой, она на мои плечи упадет полностью» (м., 20 лет, Ростов-на-Дону).

У группы информантов ответственность сосуществует с проживанием принадлежности как чего-то небезопасного – «страха у меня много» – но при этом ответственность как члена политического сообщества «побеждает» страх и находит свое воплощение в повседневных практиках: «...я вижу себя здесь, я хочу быть полезна в своей стране. Я на самом деле считаю, что я полезна, несмотря на то что руководство страны сейчас думает совсем не так» (ж., 46 лет, Санкт-Петербург). Кроме того, ответственность

иногда оказывается важнее национального безразличия. Даже отсутствие устойчивой эмоциональной связи с нацией при признании связи институциональной (гражданство) может способствовать мобилизации: «...вот это вот ощущение: делай, что должно и пусть будет, что будет, оно как-то вот очень сильно есть, особенно в последнее время, когда ты думаешь, что ты можешь сделать сегодня» (ж., 72 года, Новочеркасск).

Теоретически ожидалось, что чувство гордости также будет скорее способствовать коллективным действиям. Однако исследование показало, что в ситуации, когда чувство гордости сочетается с ощущением бессилия и / или недоверием к органам управления, оно демобилизует. Одна из информанток, которая на протяжении всего интервью говорила о гордости и любви к национальному сообществу, при этом отметила, что у нее «нет пока таких позывов... как волонтеры гуманитарку всякую возят, еще что-то, чем помочь», поскольку «пока живем, нас никуда не вызвали, никуда не активировали, живем и живем» (ж., 44 года, Ростов-на-Дону). Еще один информант объясняет отсутствие каких-либо действий через семейную метафору государства, рассматривая граждан как неразумных детей, которым надо просто слушаться «взрослых»: «...есть этот руководящий состав нашей страны, который знает гораздо больше и у него полномочий гораздо больше, настолько больше, что мне, знаете, маленькому механизму вообще не понять ни принципа, ни логики, на что все это опирается. Мне никто ни о чем не рассказывает» (м., 33 года, Тюмень).

Пассивность граждан в основном сопровождается национальным безразличием, апатией и ощущением бессилия. Так, информанты,apelлирующие к нейтралитету как базовой эмоции, говорят об избегании любых форм политической активности и стремлении фокусироваться на частной жизни: «...если даже вот человек что-то начинает где-то свое мнение прям яростно высказывать, выговаривать, я отхожу в сторонку. Не хочу в этом участвовать. Ну то есть участвовать в том, что человек будет мне рассказывать свое мнение и так далее» (ж., 27 лет, Тюмень). При этом для части информантов отсутствие эмоциональной связи с национальным сообществом в целом компенсируется сильной региональной идентичностью, которая оказывается более мобилизующей: «...я, конечно, россиянка, да, там все такое, но глобально мне более интересно, что ли, более лучше развиваться [смеется] в республике. Вот, и хотелось бы продвигать большую республику, наверное, чем вот типа быть за всю Россию, там ти-

на ответственной. Как будто хочется немножко окуклиться» (ж., 36 лет, Улан-Удэ); «я себя, ну, лет с 15 идентифицирую как сибиряк. Моя принадлежность к какой национальности – я сибиряк. Даже в 2010 году была перепись населения я себя так указал. Не как россиянина» (м., 37 лет, Тюмень). Другими словами, национальное безразличие принимает разные формы, объединяемые декларируемым дистанцированием от эмоциональной связи с нацией.

Вариативность конвертации эмоций в повседневные практики может быть связана с опытом политической социализации. В частности, данные показывают, что принятие ответственности, побуждающей к действию, в большей степени характерно для информантов с опытом активистской, волонтерской или журналистской деятельности. При этом возраст или политические взгляды здесь оказываются менее значимым: схожая палитра эмоциональных реакций и поведенческих практик наблюдается у людей разных возрастов и идеологий. Чувство гордости, которое не всегда приводит к активным действиям, чаще проявляется у информантов, чья социализация прошла в советское время и / или в чьем ближайшем окружении есть люди с военным образованием / опытом. Как правило, гордость за нацию у них связывается с преодолением кризиса 1990-х годов. В то же время такой нарратив встречается и у более молодого поколения, что может свидетельствовать об эффективности проводимой государством политики идентичности. Наконец, национальное безразличие и синдром апатии [Zhelnina, 2020] в политических практиках ярче выражен у информантов, чья социализация пришлась на 2000–2010 годы с характерными для этого периода практиками деполитизации и демобилизации [Журавлев, 2015].

Заключение

Данное исследование было сфокусировано на эмоциональной стороне национальной принадлежности. Эмоции в отношении нации рассматривались в контексте серьезных трансформаций политической ситуации после 2022 г. При этом внимание уделялось не только краткосрочным реакциям людей на происходившие события, но и относительно устойчивым чувствам по отношению к национальному сообществу. Среди быстрых эмоциональных реакций на объявление о начале СВО и частичной мобилизации ожидали доминировали тревога, шок и страх, которые тем не менее у

ряда информантов сочетались с надеждой и спокойствием. Но весть же о присоединении к России четырех регионов преимущественно не сопровождалась особыми эмоциями.

В целом исследование показало комплексность, противоречивость и многозначность эмоций в отношении российской нации. Люди одновременно испытывают страх и гордость, любовь и стыд, ответственность и бессилие, надежду и отчаяние. При этом каждая из этих эмоций развертывается в нескольких плоскостях, и может быть как позитивно, так и негативно окрашенной именно по отношению к нации. Так, часто встречаемое чувство страха рассматривается как ощущение небезопасности со стороны государства с одной стороны, а с другой – как тревога за судьбу государства и национального сообщества в целом. Кроме того, анализ интервью показал эмоциональную работу по нормализации кризисной ситуации, что проявляется в сложных и зачастую противоречивых комбинациях испытываемых чувств.

Эмоции в исследовании рассматривались как один из предикторов политического поведения. Результаты продемонстрировали, что чаще всего в политические практики конвертируется принятие ответственности как члена нации. Ответственность оказывается более значимой даже при наличии страха, чувства бессилия и национального безразличия. Вместе с тем чувство гордости далеко не всегда побуждает к действию. За частую, говоря о гордости, информанты демонстрируют лояльность органам власти, во многом повторяя транслируемый нарратив, однако при этом не проявляют инициативу. Пассивность граждан преимущественно сочетается с отсутствием эмоциональной связи с нацией, чувством бессилия и страха. В этом случае концентрация на частной сфере становится способом сохранить контроль хотя бы над какими-то аспектами жизни и преодолеть неприятные эмоции, связанные с политическими событиями.

Разнообразие эмоций и связанных с ними поведенческих практик может быть объяснено опытом политической социализации и политической активности. Кроме того, исследование показывает значимость проводимой государством политики идентичности: информанты воспроизводят доминирующие нарративы даже при декларируемом недоверию. В то же время оценить роль политических акторов и более широкого политического контекста в формировании эмоций в отношении нации в рамках одной статьи не представляется возможным, что открывает широкий простор для дальнейших исследований. Эмоции в отношении нации многогранны, подвержены большому количеству факторов, и при этом сами влияют на по-

литические практики. Их изучение позволяет оценить эффекты политики идентичности и проявления повседневного национализма, степень консолидации или разобщенности национального сообщества, потенциал преодоления кризисных ситуаций и поддержания стабильности в условиях политических трансформаций.

E.Yu. Tsumarova*
Between proud and indifference:
emotions toward Russian nation in unsettled time

Abstract. The article analyses the emotional aspect of national identity in Russia. The author asks how citizens experience and express their sense of belonging to the Russian nation during periods of significant political change. The article's theoretical framework lies at the intersection of several research areas, including everyday nationalism, identity politics, affective citizenship and the role of emotions in collective action. The article views emotions relating to the nation as a complex phenomenon, shaped by the actions of political figures and the daily practices of ordinary citizens. The study's empirical basis comprised 32 semi-structured interviews with Russian citizens conducted from winter to spring 2024. This enabled the identification of both short-term emotional responses to political events and more enduring sentiments towards the national community. The results revealed the complexity, ambivalence and variability of emotions towards the nation. People experience many feelings simultaneously, some of which may be contradictory. At the same time, the same emotions (such as pride or fear) can be associated with different phenomena and have positive or negative connotations. Additionally, emotions were considered in relation to the behavioral practices of Russian citizens. The study demonstrated the non-linear nature of this relationship, showing that the same emotions, when manifested in different combinations, lead to opposite practices. The author's proposed explanation links the variability of how emotions are converted into everyday practices with the citizens' experience of political socialization and political activity, as well as the pursued identity politics.

Keywords: nation; everyday nationhood; identity; emotions; proud; national indifference; Russia.

For citation: Tsumarova E.Yu. Between proud and indifference: emotions toward Russian nation in unsettled time. *Political science (RU)*. 2025, N 4, P. 140–160.
DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2025.04.06>

References

- Ayata B. Affective citizenship. In: Slaby J., Von Scheve Ch. (eds). *Affective societies. Key concepts*. London: Routledge, 2019, P. 330–339.
Billig M. Everyday reminder of the Homeland. *Logos*. 2007, Vol. 1, P. 34–71. (In Russ.)
Breuilly J. *Nationalism and the state*. Manchester: Manchester university press, 1993, 482 p.

* **Tsumarova Elena**, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint Petersburg, Russia), e-mail: tsumarova@gmail.com

- Cohen N., Tamar A. Field research in conflict environments: methodological challenges and snowball sampling. *Journal of peace research*. 2011, N 48 (4), P. 423–435. DOI: <https://doi.org/10.1177/0022343311405698>
- Fox J.E., Miller–Idriss C. Everyday nationhood. *Ethnicities*. 2008, N 8 (4), P. 536–563.
- Greene S., Robertson G. Affect and autocracy: emotions and attitudes in Russia after Crimea. *Perspectives on politics*. 2020, N 20 (1), P. 38–52.
- Heinrich H.A. Emotions toward the Nation. In: Salzborn S., Davidov E., Reinecke J. (eds). *Methods, theories, and empirical applications in the social sciences*. Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2012, P. 227–234. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-531-18898-0_28
- Hoggett P., Simon T. *Politics and the emotions: The affective turn in contemporary political studies*. New York: Bloomsbury publishing USA, 2012, 248 p.
- Hutchison E. *Affective communities in world politics*. Cambridge university press, 2016, Vol. 140, 378 p.
- Illouz E. *The emotional life of populism: How fear, disgust, resentment, and love undermine democracy*. Cambridge: Polity Press, 2023, 232 p.
- Jasper J.M. Emotions and social movements: twenty years of theory and research. *Annual review of sociology*. 2011, N 37 (1), P. 285–303. DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev-soc-081309-150015>
- Jasper J.M. *The emotions of protest*. Chicago, London: University of Chicago press, 2019, 282 p.
- Kaufmann E. Complexity and nationalism. *Nations and nationalism*. 2017, N 23 (1), P. 6–25. DOI: <https://doi.org/10.1111/nana.12270>
- Kazun A.D. «Rally around the flag». How and why support of the authorities grows during international conflicts and tragedies? *Polis. Political studies*. 2017, N 1, P. 136–146. (In Russ.)
- Kivimäki V., Suodenjoki S., Vahtikari T. National indifferences during everyday nationalism: Experiencing the nation in Finland in the aftermath of the Second World War. *Nations and nationalism*. 2023, N 29 (3), P. 873–887.
- Malinova O.Yu. Memory of the 1990s as resource of adaptation to new crisis: analysis of Russian media discourses. *Politeia*. 2023, N 3 (110), P. 91–114. (In Russ.)
- Miller-Idriss C., Rothenberg B. Ambivalence, pride and shame: conceptualisations of German Nationhood. *Nations and nationalism*. 2012, N 18 (1), P. 132–135. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1469-8129.2011.00498.x>
- Nussbaum M. *Political emotions. Why love matters for justice*. Moscow: New literary review, 2023, 632 p. (In Russ.)
- Obradović S., Howarth C. The power of politics: how political leaders in Serbia discursively manage identity continuity and political change to shape the future of the nation. *European journal of social psychology*. 2018, N 48 (1), P. 25–35. DOI: <https://doi.org/10.1002/ejsp.2277>
- Pushkareva G.V. Russian identity: tested by the geopolitical crisis. *The Authority*. 2023, N 31 (2), P. 139–146. DOI: <https://doi.org/10.31171/vlast.v31i2.9551> (In Russ.)
- Selezneva A. Patriotism as a political value: political-psychological analysis. *Tomsk state university journal*. 2017, N 38, P. 200–208. DOI: <https://doi.org/10.17223/1998863X/38/20> (In Russ.)
- Selezneva A.V., Azarnova A.A. “Birth of a Citizen”: political and psychological analysis of Russian high school students’ civic consciousness. *Polis. Political studies*. 2020, N 5, P. 101–113. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.05.08> (In Russ.)

- Shestopal E.B., Rogach N.N. Images of the present and future in the political mentality of its citizens. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. 2022, N 6, P. 45–61. DOI: <https://doi.org/10.31857/S0869049922060041> (In Russ.)
- Shestopal E.B., Smulkina N.V., Morozikova I.V. Comparative analysis of one's own country images in Russian regions. *Comparative politics Russia*. 2019, N 3, P. 74–94. DOI: <https://doi.org/10.24411/2221-3279-2019-10031> (In Russ.)
- Sharafutdinova G. Public opinion formation and group identity: the politics of national identity salience in post-Crimea Russia. *Problems of post-communism*. 2022, N 69 (3), P. 219–31.
- Stewart K.L. *Legitimizing nationalism: political identity in Russia's ethnic republics*. Madison, Wisconsin: University of Wisconsin Press, 2024, 293 p.
- Tilly Ch. States and nationalism in Europe 1492–1992. *Theory and society*. 1994, Vol. 23, N 1, P. 131–146.
- Zahra T. Imagined noncommunities: national indifference as a category of analysis. *Slavic review*. 2010, N 69 (1), P. 93–119.
- Zheltnina A. The apathy syndrome: How we are trained not to care about politics. *Social problems*. 2020, N 67 (2), P. 358–378.
- Zhidkevich N. Domestic temporary labor migrants in Russia: a social portrait. *The journal of sociology and social anthropology*. 2016, N 19 (1), P. 73–89. (In Russ.)
- Zhuravlev O. Inertia of post-Soviet depoliticization and politicization of 2011–2012. In: Erpyleva S., Magun A. (eds). *Politika apolitichnykh: grazhdanskie dvizheniya v Rossii 2011–2013 godov*. Moscow: New literary review, 2015, P. 27–70. (In Russ.)
- Zvonovskij V.B., Hodykin A.V. A state event and personal tragedies: is special operations becoming a collective trauma for Russians? *Sociodigger*. 2023, N 4 (1–2), P. 37–47. (In Russ.)

Литература на русском языке

- Биллиг М.* Повседневное напоминание о Родине // Логос. – 2007. – № 1. – С. 34–71.
- Жидкевич Н.Н.* Социальный портрет современного российского отходника // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2016. – № 19 (1). – С. 73–89.
- Журавлев О.* Инерция постсоветской деполитизации и политизация 2011–2012 годов // Политика аполитичных: гражданские движения в России 2011–2013 годов / под ред. С. Ерпилевой, А. Магун. – М.: Новое литературное обозрение, 2015. – С. 27–70.
- Звоновский В.Б., Ходыкин А.В.* Государственное событие и личные трагедии: становится ли спецоперация коллективной травмой для россиян? // Социодиггер. – 2023. – № 4 (1–2). – С. 37–47.
- Казун А.* Эффект “rally around the flag”. Как и почему растет поддержка власти во время трагедий и международных конфликтов? // Полис. Политические исследования. – 2017. – № 1. – С. 136–146.
- Малинова О.Ю.* Память о 90-х как ресурс адаптации к новому кризису: анализ дискурсов российских СМИ // Полития. Анализ, хроника, прогноз. – 2023. – № 3 (110). – С. 91–114.
- Нуссбаум М.* Политические эмоции: почему любовь важна для справедливости. – М.: Новое литературное обозрение, 2023. – 632 с.

- Пушкирева Г.В.* Российская идентичность: испытание geopolитическим кризисом // Власть. – 2023. – № 31 (2). – С. 139–46.
- Селезнева А.В.* Патриотизм как политическая ценность: политико-психологический анализ // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2017. – № 38. – С. 200–208.
- Селезнева А.В., Азарнова А.А.* Рождение гражданина: политико-психологический анализ гражданственности российских старшеклассников // Полис. Политические исследования. – 2020. – № 5. – С. 101–113.
- Шестopal Е.Б., Рогач Н.Н.* Образы настоящего и будущего России в политическом сознании ее граждан // Общественные науки и современность. – 2022. – № 6. – С. 45–61.
- Шестopal Е.Б., Смулькина Н.В., Морозикова И.В.* Сравнительный анализ образов своей страны у жителей российских регионов // Сравнительная политика. – 2019. – № 10 (3). – С. 74–94.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Фрагмент кодировочной книги

Эмоции	Речевые маркеры
Надежда	хотелось бы думать, это же здорово, может быть, будет хорошо
Ответственность	мог что-то изменить, ответственность, могу что-то делать, моя страна
Гордость	мы уникальные, только мы так можем, ни у кого такого нет
Любовь	люблю, мне очень дороги, важны
Жалость / Сострадание	сочувствие, мне их жалко
Вдохновение	это хорошо, это здорово, это нормально, очень поддерживающее, и слава богу, принятие
Радость	официально, радостно, наконец-то, здорово
Уважение	прям крутые, респект, уважение
Безразличие	нейтралитет, мне все равно, ну значит так надо, прошло мимо, не заметила, особо никак не реагировал
Апатия	была фрустрирована, ничего не могла делать, скроллить ленту, сидела и молчала, была заторможена
Спокойствие	мне нормально, мне ок, я с этим могу жить, спокойно
Страх	страшно, непонятно, что будет, чего ждать?
Грусть / Отчаяние	мне грустно, печально, расстраивает, сильно расстроилась, бессмысленно, зачем?
Беспомощность	бессилие, от меня ничего не зависит, невозможность повлиять, маленький человек
Шок	состояние шока, я была в шоке, шок, полный шок, не понимала, что происходит
Обида	мне не нравится, задевает, обижает, неприятный осадок
Злость / Ярость	я злюсь, бесит, во мне просто буря негативных эмоций, возмущение
Тревога	это кошмар, стресс, мне было тревожно, я тревожилась, переживала